

ПЕРСОНА

18 июня 2020 г. Президент Российской Федерации подписал указ о присуждении Государственной премии Российской Федерации в области науки и технологий за 2019 г. директору МАЭ РАН, члену-корреспонденту РАН доктору исторических наук Андрею Владимировичу Головнёву «за вклад в изучение культурного наследия народов Арктики». Церемония награждения состоялась 24 июня 2020 г. в Кремле.

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ НА ЦЕРЕМОНИИ НАГРАЖДЕНИЯ ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ В. В. ПУТИНА:

«...Как тут не вспомнить Ломоносова, утверждавшего, что “российское могущество приращать будет Сибирью и Северным океаном”. Не сомневаюсь, что это утверждение разделяет ведущий российский антрополог, крупнейший в мире специалист по культуре народов Севера Андрей Владимирович Головнёв. Госпремия в области науки и технологий присуждена ему за выдающиеся результаты этнографических экспедиций. Традиции, обычаи коренных жителей суровых арктических просторов Андрей Владимирович изучает почти сорок лет, и накопленные им знания обладают поистине широкими практическими перспективами. Ведь для России, как ее определяет сам лауреат, “страны северного измерения”, эффективное и бережное отношение к Арктике имеет приоритетное значение. Полностью с этим согласен и абсолютно разделяю эту позицию».

РЕЧЬ А. В. ГОЛОВНЁВА НА ЦЕРЕМОНИИ НАГРАЖДЕНИЯ:

Уважаемый Владимир Владимирович, уважаемые члены совета по науке и образованию, благодарю вас за высокую оценку моих исследований, за высшую научную награду России!

Эта премия для меня в такой же мере итог, в какой и пролог, поскольку этнография Севера позволяет широко смотреть на мир глазами тех самых людей, которые несут в себе заряд необыкновенного движения. Они — воплощение абсолютного движения. В их технологиях заложено очень многое, что можно понять только пристальным изучением с использованием современных технологий, которые позволяют уловить тонкости движения: сложный дизайн кочевий, необыкновенную трансформность и моментальную маневренность, что в дополнение очень тонкой культуры природосбережения составляет северное наследие. Последнее, касающееся природопользования и природосбережения, — одна из черт как будто парящих над тундрой кочевий — выражается, например, в ненецкой поговорке *я пуна хаёда* (“земля после нас остается”). Происходящие на наших глазах экологические катастрофы показывают, что индустриальным гигантам, которые осваивают ресурсы Арктики, неплохо было бы брать у кочевников уроки мобильных технологий, природосбережения и быстрого реагирования.

Школа арктического нomaдизма родила большую теорию — теорию антропологии движения, которая рассматривает действительность в плоскости действия, в плоскости динамики, а не в статике факта, не в статике привычного для истории свершившегося события. Начавшаяся в гуманитарных и социальных науках революция движения позволяет надеяться на то, что эффект этого преобразования будет иметь ничуть не меньшие последствия в этих науках, чем в физике теория

относительности, тоже, кстати, основанная на движении. Это особенно важно в нынешнее время, когда мир сотрясают стремительные перемены, массовые миграции, сверхскоростные коммуникации людей, идей и вещей. Завтрашний день за тем, кто овладевает этой стихией, а не прячется от нее.

На Севере говорят, что в Арктике хорошо видно человека. Добавлю: из Арктики хорошо видно человечество, в том числе применительно к России ее северность как ключевую идентичность. Северное измерение — органичное, с позволения сказать, домашнее для России — страны, которая пространственно доминирует в Северном полушарии, с географическим центром на Полярном круге в устье Енисея. И исторически Россия началась с Севера — со Старой Ладogi и Рюрикова городища, и имперская история России неразрывно связана с северной политикой и северной столицей Петербургом, а освоение Арктики в советское время вполне сопоставимо по значимости и героике с освоением Космоса. Северное измерение заслуживает отдельного внимательного изучения и осмысления.

Эти новейшие разработки ведутся сегодня в старейшем научном учреждении, которое я имею честь возглавлять, — в Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого, Кунсткамере, колыбели российской науки и матери музеев. Пользуясь случаем, благодарю моих друзей и коллег из Санкт-Петербурга, Москвы, Урала, Сибири, Дальнего Востока, бескрайней Арктики и других уголков России и мира за помощь, содействие и творческую поддержку, а также моих родителей, родных и близких. Поклон вам земной.

А. В. Головнёв

**АРКТИКА:
КОНСПЕКТ 40-ЛЕТНИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

АННОТАЦИЯ. Поводом для написания обзора стала государственная премия за 2019 г. в области науки и технологий, присужденная автору «за вклад в изучение культурного наследия народов Арктики». Обзор содержит разделы «Многомерность культуры», «Антропология движения», «Арктическая номадология», «Метод записи движения», «Кочевая традиция Арктики и этнологическая экспертиза», «Северность России», «Музеи и кино», отражающие основные направления и итоги полевых исследований на Ямале, Таймыре, Гыдане, Полярном Урале, Русском Севере, Чукотке и в других областях Арктики, а также прикладные разработки и популяризацию научных знаний и культурного достояния средствами кинематографа, фотографии и музейно-выставочной деятельности. Самой яркой чертой арктических культур представляется их высокая мобильность, позволяющая кочевникам охватывать огромные пространства и осваивать рассеянные по нему ресурсы. Этнография Арктики дала начало новой теории — антропологии движения, которая является одновременно методологией исследования и технологией применения научных знаний. «Взгляд из Арктики» открывает северность России как ее стержневую идентичность, обусловленную географией и историей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Арктика, антропология движения, этнография, мобильность, кочевники

УДК 397(98)

DOI 10.31250/2618-8619-2020-3(9)-163-173

ГОЛОВНЁВ АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ — чл.-корр. РАН, директор, д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: andrei_golovnev@bk.ru

В юности мне казалось, что дело исследователя — совершать открытия, а их обобщением займутся благодарные потомки. Однако приобретенный жизненный опыт подсказывает, что правильнее облегчить долю потомков и самому сформулировать основные творческие идеи и итоги хотя бы в виде кратких тезисов или «конспекта». Правда, сложно выбрать момент подведения итога, поскольку всякий раз на столе лежит недописанная работа. Подходящим поводом для резюме может стать, как в моем случае, высокая премия, к тому же в знаковой номинации — в области науки и технологий «за вклад в изучение культурного наследия народов Арктики».

В моей научной жизни Арктика заняла главное место и стала обширным полем познания народов и культур, а также полигоном отработки научных методов (хотя и не единственным, например накануне пандемии коронавируса я провел краткую экспедицию в Африку). 40 лет исследований включали полевые работы на Ямале, Таймыре, Гыдане, Полярном Урале, Русском Севере, Чукотке, в Югре, Якутии, Скандинавии, на Аляске и в других областях Арктики и Субарктики, а также архивные и кабинетные штудии, научно-прикладные разработки и популяризацию научных знаний и культурного достояния средствами кинематографа, фотографии и музейно-выставочной деятельности. Содержание номинированных на премию исследований можно представить в следующем порядке.

МНОГОМЕРНОСТЬ КУЛЬТУРЫ

Культурное наследие коренных народов Арктики состоит прежде всего в специфических технологиях, высокой адаптивности и мобильности как системе контроля над пространством и ресурсами. Жители Севера в разные годы назывались «малыми» или «малочисленными» народами, что по-своему верно, но недостаточно для их адекватного позиционирования. Эта характеристика часто затмевает все прочие, представляя народы Арктики горстками людей, балансирующими на грани выживания. Между тем правильнее вести речь не о малых народах, а о культурах больших пространств. При ближайшем рассмотрении эти культуры открываются как сложные системы знаний и технологий, например в сферах экологии, социальных связей, мифоритуального комплекса, северной этики и эстетики.

Исследование культуры предполагает алгоритм наблюдений, избранный из числа разработанных или разрабатываемый заново. Я предпочел смешанный вариант: с одной стороны, мой метод изучения культуры опирается на деятельностный подход, предложенный Э. С. Маркаряном (1969) и С. А. Арутюновым (1989), с другой — это вполне самостоятельный дизайн, сложившийся в практике полевых наблюдений и «упаковки» собранных материалов в общий свод. По моему опыту, культуру удобно рассматривать в четырехмерном соотношении экологической, соционормативной, материальной и духовной сфер. Ключевым принципом этого подхода является взаимозависимость в «квадрате культуры» всех ее сфер и элементов, изменения которых влекут системные и цепные реакции, рассчитать которые можно только с учетом субъектно-объектного баланса и характера связей в динамике жизнедеятельности. К примеру, экологическая культура ненцев основана на детальных знаниях состояний погоды и природы, календарной системе времясчисления, состоящей из летне-зимнего двухлетия, семи сезонов, тринадцати лунных месяцев и модели слитного пространства-времени. Эта экологическая схема в деятельностном измерении взаимосвязана с материальной культурой и ее кочевым реквизитом из шкурного, древесного и костяного сырья, с нормативной культурой динамичного взаимодействия родственных и производственных групп, духовной культурой с пантеоном кочующих богов и обширной сетью тундровых святилищ. При выпадении или замене одного из элементов (в результате, например, перевода на оседлость, сокращения пространства кочевий, утраты доступа к родовым святилищам) эта сложная и самобытная система знаний и практик испытывает деформацию, нередко сопровождающуюся глубоким социокультурным кризисом. Подобное описание и толкование культуры открывает жизненные практики и мировоззренческие ценности в их динамичной внутренней связи и сложных, нередко конфликтных внешних взаимодействиях (Головнёв 1995; Golovnev, Osherenko 1999).

Проведенные исследования выявили не только богатство северных культур, но и их высокую адаптивность к экологическим условиям и социально-политическим воздействиям. В 1990-е годы, когда в российских и зарубежных изданиях безраздельно господствовал алармистский стиль описания нужд и бедствий коренных народов Российского Севера, эти разработки о принципах устойчивости, адаптивной диверсификации и эффективности арктических культур, в частности оленеводов-ненцев, выглядели «несвоевременными». Лишь десятилетие спустя наблюдения и заключения о высоком этнокультурном потенциале арктических культур получили признание и распространение в мировой науке.

Соотношение традиций и новаций, коренных и пришлых культур на Севере обычно рассматривается как конфликт ценностей и интересов. В действительности это взаимодействие насыщено встречными влияниями и заимствованиями, своего рода стимулирующей конкуренцией. Многие технологические новшества, прежде всего транспортно-навигационные, не разрушают, а по-своему развивают кочевую культуру. В свою очередь, традиционные северные кочевые технологии представляют собой ресурс для обогащения современных стратегий освоения Арктики.

АНТРОПОЛОГИЯ ДВИЖЕНИЯ

Результаты исследований в Арктике положили начало новому направлению — антропологии движения, которая является одновременно методологией исследования и технологией применения научных знаний, что актуализирует ее научно-практический потенциал. Главный герой антропологии движения — *Homo mobilis* (человек движущийся) — обозначился десять лет назад (Головнёв 2009). К этому привел ряд наблюдений и опытов: во-первых, этнографическое сопереживание движения как уюта (своего рода «покоя») в кочевьях арктических кочевников; во-вторых, археологические свидетельства того, что прапредок человека больше бегал, чем ходил, и исходным состоянием человечества было активное движение (благодаря которому люди заселили всю планету, сохранив при этом единство биологического вида); в-третьих, потребность записи и передачи сущностных явлений жизни средствами не только «стабильной» науки, но и «мобильного» искусства (чему в наибольшей мере соответствует кинематограф — буквально «запись движения»).

На рубеже веков в мировой антропологии обозначился теоретический сдвиг, названный «мобильным поворотом» и вызванный стремлением заместить устоявшееся в науке статичное мышление новыми подходами, основанными на динамике и мобильности. Среди ключевых концепций быстро развивающейся философии и социологии мобильности можно назвать дромологию (теорию скорости) П. Вирильо (Virilio 1986), ризому и номадологию Ж. Делёза и Ф. Гваттари (Deleuze, Guattari 1987), «человека путешествующего» Э. Лида (Leed 1991), циркулирующие сущности Б. Латура (Latour 1993), корни и пути Дж. Клиффорда (Clifford 1997), текучую современность З. Баумана (Bauman 2000), мобильность и автомобильность Дж. Урри (Urry 2000), номадическую метафизику Т. Крессвелла (Cresswell 2006), экологию путей Т. Ингольда (Ingold 2011), а в отечественной науке — антропологию движения А. В. Головнёва (2009) с главным героем в лице *Homo mobilis* (эта теория названа в числе выдающихся достижений РАН 2009 г.; см. также: Тишков 2010).

Систематизируя различные мотивационно-деятельностные схемы, антропология движения выявляет типичные алгоритмы поведения в спектре между локальностью и магистральностью. Локальная культура осваивает биоресурсы и «возделывает» конкретную эконишу, магистральная — осваивает социокультурные ресурсы локальных культур, синтезирует их в сети коммуникации и сложные сообщества, часто приобретающие облик государств. Репертуар любой культуры включает различные по конфигурации деятельностные схемы, от узко локализованных до широко развернутых в социальном пространстве. Локальной культуре земледельца, рыболова или ремесленника присуще бережное отношение к границам дома, селения, культ родного края с его озерами, рощами, духами, мифами. Магистральная культура обладает технологиями пересечения границ, вторжения в чужой мир, власти над пространством и долгого (вечного) пути. Этому

соответствует характер идентичности: если земледелец или рыбак в своей локальности может позволить себе выбор одной устойчивой идентичности, то торговец или политик на перекрестке социальных связей обречен на маневр между различными идентичностями.

Открытие *Homo mobilis* в истории культур и народов состоит в том, что отныне они предстают не суммой-картой статичных сообществ, а своего рода этноценозом, в котором у народов/культур есть свои деятельностные ниши, и между ними разворачиваются динамичные сценарии взаимодействия, в том числе симбиоза. Дизайн контакта магистральных и локальных культур следует видеть не на плоскости, а в объемном многомерном сценарии. Локальная культура выступает кормящей, магистральная — движущей. В посреднической миссии магистральной культуры главную роль играет военно-политическая, духовная и торговая элита, объединяющая локальные культуры. Язык магистральной культуры становится, как правило, вторым языком охватываемых ею локальных групп, нередко то же самое происходит с культом и системой власти.

Обзор колонизации как вариации на тему движения показывает, что это явление многократно старше человечества и, в отличие от идеологически окрашенного понятия «колониализм», представляет собой универсальный механизм распространения жизни. Любая колонизация — не однонаправленное действие, а дорога с встречным движением, по которой может пойти «колонизация-вспять» (как в сегодняшней Европе) и рокировка ролей метрополии и колонии. Колонизация бывает локальной (освоение экониш с их биоресурсами) и магистральной (охват больших пространств с их социальными ресурсами). В свою очередь, в магистральной колонизации обнаруживаются три стиля: кочевой, силовой и сетевой. Первый подразумевает мобильную власть над пространством зависимых народов и стран; второй — военно-административное подчинение (нередко в виде имперского порядка), третий — торгово-промышленную паутину отношений с элементами партнерства. Всем странам, иногда неоднократно, довелось побывать колониями, и часто превращение колонии в метрополию сопровождалось реконкистой. Для Руси (вся русская история в сущности история путей) основное значение имела триада силовых линий (магистралей), обозначаемых как нордизм, ордизм и понтизм, сочетание которых дало эффект образования евразийской империи. В истории России ключевое значение имеет понятие «украина» (в том числе уральская и сибирская), как в истории Северной Америки — понятие «фронтир». Колонизация многолика, и ее проявления до сих пор наполняют социальную реальность, включая поведение мигрантов, действия элит и даже игры детей (Головнёв 2015).

Ветвь антропологии движения, называемая антропологией путешествия, ориентирована на исследование мотивов и состояний самого путешественника, на обстоятельства, толкающие его в путь и воздействующие на него по ходу путешествия. Познание мира и себя — универсальный алгоритм путешествия, дающий ключ к исследованию вариантов ментальных карт, а также особенностей восприятия иных народов и культур. Это направление значимо еще и потому, что именно путешественники в своих заметках описывают состояние движения *per se*.

Этнография движения разворачивается в двух измерениях: изучения изменчивости (дрейфа) этничности и записи схем-сценариев мобильности разных народов. В этнодинамике пристального внимания заслуживают сценарии потери равновесия и активации отклонения этничности, баланса устойчивости (традиций) и изменчивости (новаций). В живом ритме динамики и статики традиция может выступать не тормозом, а источником или трамплином новации. Нередко этнокультурные традиции легко уживаются с технологическими новациями и даже выступают их опорой. Без них новации, особенно внешние, способны подавить или подчинить культуру. Ключевую роль в дрейфе этничности играют лидеры и их этнопроекты.

Драйвером и испытательным полигоном антропологии движения стала мобильность кочевников Арктики. Новаторство теории состоит в том, что она синтезирована из самих северных культур и к ним же в первую очередь обращена. Она позволяет не только представить культуры Арктики как наследие, но и раскрыть в них потенциал технологий движения, востребованный в быстро меняющемся мире. Многие из выявленных антропологией движения алгоритмов

и сценариев применимы не только к Северу, но и планете в целом. Основанием для столь решительного утверждения служит то, что Арктика в силу экстремальных условий с древности служила ареной испытаний человеческих возможностей, и именно на Крайнем Севере во все времена наибольшую роль в освоении больших пространств играл фактор мобильности, актуальный в современном мире.

АРКТИЧЕСКАЯ НОМАДОЛОГИЯ

Пожалуй, самым замечательным достоинством арктических культур является их высокая мобильность, позволяющая охватывать огромные пространства и осваивать рассеянные по нему ресурсы. Еще недавно феномен движения по разным причинам был в немилости у гуманитарных наук, а кочевание как образ жизни считалось чем-то вроде варварства и подлежало искоренению путем перевода кочевников на оседлость. Искренняя убежденность в том, что номады — рудимент цивилизации, дополненная стремлением упрочить контроль над их территориями, настраивала чиновников разных стран, в том числе СССР, на строительство больших поселков, культбаз, школ-интернатов для оседания кочевников. И только завидное упорство номадов и их приверженность собственным ценностям позволили им устоять перед административными нажимами и соблазнами оседлости. Кроме того, опыты перевода кочевников на оседлость обернулись «драмой поселков» с их депрессивной маргинальностью, отсутствием занятости и полноценной самореализации (особенно мужчин), в отличие от «здоровой тундры», по-прежнему дающей образцы культурной и экономической состоятельности, человеческого достоинства и успеха.

Сегодня все изменилось. В наши дни номадизм уже не рассматривается как след архаики, напротив, в высокой мобильности видится и исконное свойство человечества, и драйвер его развития, и перспектива прорывных технологий будущего. XXI век стал свидетелем ренессанса движения, охватившего страны и народы в виде туристического бума, миграционных волн, киберкоммуникаций. На рубеже XX–XXI вв. в мире распространилась мода на неономадизм (новое кочевничество), «новыми кочевниками» стали называть себя «люди Сети» (киберномады) и «транслокальных культур», а также представители политического и делового истеблишмента, мигрирующие по миру в своих бесконечных вояжах.

Мобильность, включая номадизм, исторически и по сей день является базовым принципом освоения Российской Арктики. Сегодня тема контраста ценностей номадизма и седентаризма, кочевий и селений, представляется для Арктики стержневой. Базовыми для исследования арктического номадизма стали чукотская, ненецкая и ижемско-саамская кочевые традиции в их вариациях на Чукотке, Ямале и Кольском полуострове по полевым наблюдениям 2013–2018 гг. Три евразийские тундры равновелики по оленеводческому потенциалу: на Чукотке, Ямале и в Фенноскандии (включая скандинавские и кольские тундры) численность оленей колеблется вокруг полумиллиона голов. Дизайн мобильности трех кочевых сообществ варьирует в зависимости от ландшафта, близости к морским берегам, горам и лесам, а также оседлым группам, административным центрам и промышленным объектам. Каждая из трех изученных традиций оленеводства и номадизма обладает своей спецификой: ямальская (ненецкая) сохраняет алгоритм совместного движения людей и оленей, принципы трансформера, техноанимации и др. Чукотский опыт открывает матрицу трехуровневой мобильности (пешая, оленная и авто-авиа «орбиты») с целым рядом критических ситуаций и рисков. Кольская картина транспортно-технологической «смеси» и замены традиционного оленеводства промышленным производством оленины представляет собой не столько номадизм, сколько производственный механизм (вахт, загонов, забоев и т. д.). Искусство движения в исполнении кочевников Арктики состоит в многообразии динамичной трансформности кочевья — стойбища, пути — паузы, пастухов — стада (Ямал), трехуровневой матрицы мобильности в тоне риска (Чукотка), управлении механизмом оленепроизводства в сочетании инструментов динамики и статики (Кольская тундра).

Иллюстрированная монография «Арктика: атлас кочевых технологий» (Головнёв и др. 2018) завершила четырехтомную серию «Мобильность в Арктике». Книга-атлас стала итогом долговременных полевых работ с применением новейших технологий записи и презентации движения. Книга-атлас представляет кочевые технологии оленеводов Чукотки, Ямала, Кольского полуострова в их сложности и многомерности — от пространственно-временного дизайна кочевий на просторах тундры до микроструктуры оленьего меха. Эти макро- и микротехнологии органично и динамично связаны в кочевой традиции, которая содержит в себе целый набор концептов (или принципов), которые, с одной стороны, предельно практичны, с другой — заслуживают теоретической проекции. К их числу относятся слитное пространство-время, кочевой трансформер, мобильный модуль, эффект движения, техноанимация, вещный минимализм, северная эстетика. Визуально-текстовое повествование охватывает не только исконные традиции, но и новшества техники, навигации и коммуникации, воспринимаемые и на свой лад используемые тундровыми кочевниками.

МЕТОД ЗАПИСИ ДВИЖЕНИЯ

Навыки науки и кино, прежде нередко мешавшие друг другу, сошлись в разработке метода записи движения (этнографии движения), основанной на применении современных визуальных технологий, включая трек-навигацию, аэросъемку с дрона, синхронную видео-фотосъемку с разных ракурсов, 3D-съемки, трехмерное моделирование, анимационный мэппинг и др. Раньше подобное исследование было затруднено не только потому, что номадизм ассоциировался с варварством, но и за отсутствием средств записи кочевания. Историки и этнографы знают, что кочевье крайне трудно описать — от количества слов картина только запутывается. Оригинальный авторский метод, условно названный «путь — карта — действие» (ПКД), предполагает документирование трех измерений: (а) GPS-трек человека в течение дня; (б) карта кочевий в течение года/сезона; (в) видеофоторяд движений/действий.

Новшество состоит в применении современных визуальных и навигационных инструментов там, где прежде довлело текстовое описание. Запись движения средствами GPS-мониторинга с попутным картографированием и визуальным сопровождением позволяет наглядно передать «анатомию мобильности». В исследованиях по этой методике изображение приобретает столь же высокий статус, как и научный текст, а в ряде случаев становится приоритетом, оттесняя текст на положение комментария (см.: Головнёв и др. 2018).

Апробация метода ПКД позволяет заявить: «Мы научились записывать движение». Действительно, система записи движения кочевников позволяет не только глубоко и всесторонне исследовать культуры Арктики, но и представить их в невообразимом прежде визуально-текстовом формате. Движение, в том числе миграция и кочевье, обладает целым рядом характеристик, которые невозможно передать вербально; тем выразительнее представляет кочевую культуру развернутый по сценам и деталям иллюстративный ряд, в идеале заслуживающий анимации в кибератласе Арктики. «Этнография движения» средствами мэппинга, GPS-мониторинга и визуализации действий позволяет наглядно передать многомерную картину движения кочевников и детально различить ее составляющие. Вариации арктического номадизма образуют спектр стратегий движения, который охватывает и многомерно характеризует этот социокультурный феномен в целом.

КОЧЕВАЯ ТРАДИЦИЯ АРКТИКИ И ЭТНОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА

Достигнутые результаты открывают возможность реализации ранее невыполнимой задачи — адекватной публикации арктической кочевой традиции. Книга «Арктика: атлас кочевых технологий» является важным шагом на этом пути, обеспечивающим основание для включения кочевой

традиции Арктики в свод всемирного культурного наследия ЮНЕСКО. С этого тезиса следует начинать любое научно-практическое исследование, относящееся к разряду этнологической экспертизы и касающееся жизни, культуры и среды обитания северных кочевников.

Оригинальный метод этнологической экспертизы, разработанный на основе методов антропологии движения и многомерности культуры, позволяет рассматривать любое воздействие и взаимодействие не в прямой причинно-следственной проекции (экономических факторов на экономику, духовных — на мировоззрение и т. д.), а в сложных многоходовых комбинациях с цепными реакциями или системными эффектами. При этом их воздействие учитывается не в статичной сумме, а в последовательности подключения, т. е. в алгоритме определенного сценария. Эта модель этнологической экспертизы (Головнёв 2014) отличается от других подходов тем, что исходит не из статики фиксируемых позиций (например, коренных жителей и разработчиков недр), а из вариативных сценариев конфликтного или проектного взаимодействия. В этом случае, как и в других случаях применения методов антропологии движения, в динамике оказывается возможным то, что невозможно в статике. Именно картина движения позиционирует коренных кочевников Севера не как «малые отсталые» сообщества, заслуживающие снисхождения и опеки, а как равноправных партнеров освоения пространств Арктики, обладающих своими стратегиями и конкурентными преимуществами в разработке перспективных совместных проектов, например на стыке оленеводства и газодобычи, традиций и инноваций на Ямале, Чукотке, Таймыре, Кольском полуострове. Убежден, что этноэкспертиза должна рассматриваться не только как средство предупреждения конфликтов и негативных эффектов, но и как способ оптимизации межэтнической кооперации и активации этнокультурного потенциала. При этом некоторые внешне привлекательные меры несут в себе системные угрозы или даже невозможные потери. Так, простое умножение компенсационных выплат, без учета цепных реакций и системных эффектов, ориентирует получателя на иждивенчество и сомнительные «социальные технологии», замещая традиционный образ жизни «льготным» способом существования. В этом случае компенсации несут не пользу, а вред хозяйственно-культурной системе коренных жителей, основанной на персональной активности и ответственности. Общий тренд показывает, что этноэкспертизу следует применять в широком спектре направлений, включая законопроекты всех уровней, международную политику и дипломатию, административные программы и реформы, хозяйственные проекты, инциденты этнического и религиозного свойства, образовательные, культурные, масс-медийные и информационные кампании и мероприятия.

Мобильность, включая номадизм, исторически и по сей день является базовым принципом освоения Арктики, несмотря на строительство городов и промышленных комплексов. Транспорт и система коммуникаций по-прежнему играют ключевую роль в освоении и жизнеобеспечении Севера. Дополнительным тестом методов антропологии движения послужили климатические потрясения на Ямале, связанные с глобальным потеплением и сопутствующими эффектами: «зимние дожди» и гололед в 2014 г., вспышка сибирской язвы жарким летом 2016 г. (Golovnev 2017). Специалисты-экологи и управленцы сходятся во мнении, что главная проблема современного ямальского оленеводства — чрезмерное увеличение поголовья оленей и, как следствие, эффект перевыпаса и пастбищного дефицита. К этому добавляется фактор отчуждения территорий под нужды добывающей промышленности. В дискуссиях относительно оптимизации кочевых практик у оленеводов Арктики и планов сокращения поголовья оленей антропология движения выдвигает тезис: не общая масса стада, а режим его движения определяет экологическое благополучие тундры. Изучение маневров кочевников в обстоятельствах кризисов и рисков показывает, что тундровой экосистеме и традиционной этносистеме органична динамика, а не статика: всякая задержка нарушает общий ритм движения, а стационарные сооружения наносят тундре больший ущерб, чем проходы самых крупных оленьих стад. В ненецкой традиции умелое стадоводство характеризуется поговоркой *я пуна хаёда* («земля после нас остается»), тогда как порча пастбищ определяется выражением *яда тахабэй* («земля перевернута»).

СЕВЕРНОСТЬ РОССИИ

Сегодня Арктика чаще всего ассоциируется с ледоколами и белыми медведями, вышками Газпрома и легендарными городками вроде Диксона и Певека, а также с оленями и народами Севера, чьи меховые одежды выставляются в музеях. Для среднестатистического горожанина это нечто отдаленное в пространстве и во времени, подобно путешествиям Нансена или Толля, ощутимое только с нашествием морозных арктических циклонов. Между тем географически Россия (после распада СССР) представляет собой крупнейшее северное государство мира с центром на Полярном круге в низовьях Енисея. Если вспомнить, что и становление Руси в эпоху варяжских походов происходило с севера на юг и преобразование ее в империю связано с северной политикой и северной столицей, то в пору говорить об исходной «северности России» (вместо нескончаемых дебатов о выборе между Востоком и Западом). И в средние века за счет пушнины, и в последние годы за счет нефти и газа Россия черпала богатства на севере, а тратила на юге. Иными словами, Север для России является не внешним, а внутренним, притом осевым измерением.

Соответственно Север заслуживает особого внимания не только как источник ресурсов и арена геополитики, но и как опора самобытности и идентичности России, в связи с чем на первый план выходят сюжеты истории освоения Севера новгородцами, поморами, коми-зырянами, ненцами, эвенками, якутами, чукчами и другими жителями высоких широт Евразии. Именно в их культурных стратегиях кроется ключ к пониманию природы сообщества, сложившегося на просторах тайги и тундры от Атлантики до Пацифики.

Авторская концепция «северности России» исходит из историко-антропологического обзора Северной Евразии, показывающего, что северная идентичность сыграла позитивную роль в самоопределении нордических стран и весьма перспективна для России. Северность России обусловлена исторически (начиная с ключевой роли ладожско-новгородского Севера в древности), геоэкономически (с учетом ресурсов современного Российского Севера) и геополитически (ввиду пространственного доминирования России в высоких широтах Евразии и «арктическом средиземноморье»). В последние годы обозначилась глобальная геополитическая ось Север — Юг, на которой Россия предстает не буфером, как в тупиковой антитезе Запад — Восток, а основной страной Севера. «Северное измерение» (не в версии ЕС или Канады, а в российском понимании) предполагает развитие культурных ресурсов Севера и становление северной идеологии с опорой на впечатляющие сюжеты истории освоения Севера новгородцами, поморами, коми-зырянами, ненцами, эвенками, якутами и другими сообществами Евразии (Головнёв 2004; 2009: 29–34).

Арктике во все времена была более свойственна взаимопомощь, чем вражда. Сегодня для поддержания этой традиции важно устранить факторы межэтнических конфликтов, кроющиеся главным образом в правовом регулировании взаимоотношений северян. Помимо привилегий для коренного населения, Северу не повредит осознание того, что с древности он был родиной не только малых, но и крупных народов (инуитов, коми, русских поморов, скандинавов, финнов, якутов и др.), в том числе североевропейских. Северная мультикультурность исторически основана на сочетании потенциалов малочисленных и многочисленных народов, и укрепление северной идентичности напрямую связано с избавлением от комплекса этнокультурной неполноценности. Концептуализация российской северности предполагает сопоставительное обращение к зарубежному опыту (американскому, скандинавскому), но не его калькирование. Соотношение «туземности» и «пришлости» в России имеет иной историко-антропологический контекст, чем во фронтирных американских моделях. Впрочем, не только в России, но и во всем мире имеет смысл смена биологического толкования понятия «коренной» историческим: многие русские, саха и коми давно являются если не коренными, то укорененными жителями Севера. Как показывает мировой опыт, наиболее эффективные модели позиционирования северных меньшинств — на Аляске, Ямале, в Гренландии, Лапландии, Нунавуте, Тромсе, Югре — основаны на структурировании региональной идентичности, сочетающей ценности северных меньшинств и нового (пришлого)

населения. При этом повсюду, особенно стремительно в России, отмечаются встречные тенденции укоренения некоренных и расширения деятельностной сферы коренных северян.

Для России со времен империи и в течение советской эпохи культурное многообразие было одним из стержней политики (несмотря на встречные тренды имперской и советской унификации), и коренные народы Севера всегда выступали показательным примером или даже образцом этой политики. Отчасти благодаря политическому поощрению «национальной формы», отчасти вопреки колхозно-совхозной советизации народы Российской Арктики сохранили заметно больше самобытности, чем другие аборигены Циркумполярного мира, и в этом состоит не всегда осознаваемое и используемое конкурентное преимущество России в международных раскладах этнокультурных стратегий. В «северном измерении» России уместно осмысление и применение стратегий арктического номадизма, в том числе полиритмичной мобильности, правила трансформера, принципа полифункциональности, энергоэкономии, этики минимализма и других актуальных для современности традиций коренных северян.

МУЗЕИ И КИНО

В 1997–2001 гг. по запросу администрации Ханты-Мансийского автономного округа творческий коллектив Этнографического бюро (рук. А. В. Головнёв) разработал концепцию музейного комплекса г. Ханты-Мансийска, а в 2001–2007 гг. создал в Музее природы и человека Ханты-Мансийска постоянную экспозицию «Связь времен», включающую три больших раздела: «Ритм биосферы» (палеонтология и природа края), «Историческое время» (событийно-сюжетная история края) и «Мифологическое время» (мировоззрение и религиозно-ритуальные практики коренных народов). Эта экспозиция признана одной из лучших в мире и за полтора десятилетия стала устойчивым звеном культурного наследия народов Западносибирского Севера. В 2012 г. та же творческая группа создала виртуальную экспозицию «Энергия Югры» для Музея геологии, нефти и газа г. Ханты-Мансийска, а в 2018 г. она открыла в Кунсткамере выставку «Кочевники Арктики: искусство движения», созданную по мотивам книги «Арктика: атлас кочевых технологий».

Музей лишь отчасти строится по законам науки, будучи одновременно произведением искусства. Он не просто хранит и показывает артефакты, но и создает концепцию и атмосферу экспозиции. Нередко это выражено не в этикетаже, а в композиции выставки, т. е. посредством того самого языка изображения, которым изъясняется визуальная антропология/этнография. Музейные предметы не просто выставлены на показ, но и транслируют заложенные в них традицию, память, историю, самосознание, этничность. Визуальность господствует в музейном пространстве, охватывая экспонат и экспозицию, музейный предмет и коллекцию, все средства кино, фото и медиа (лишь частично дополняясь вербальностью, тактильностью и назальностью). Неслучайно музей стал колыбелью антропологического/этнографического кино. Именно музейная аура породила желание «оживить» застывшие в витринах вещи с помощью кинематографа.

Сегодня визуальная культура стала актуальной долей общекультурного фонда, формируя в человеке новую матрицу мировосприятия, от экранной грамоты (навыков чтения экрана) до стилизации под экран (подражание кинотелегероям в мимике, словоборотах, увлечениях, нарядах, интерьере). Становление новой визуальной культуры само по себе вызывает к жизни адекватную антропологию, иначе ученый цех в консерватизме превзойдет сам себя, описывая скрипучими научными словами летучий зрительный эфир. Нынешнее явление визуальности означает своего рода прозрение науки, обретение нового средства коммуникации — языка изображения, доведенного кинематографом за минувший век до всеупотребимости. В этом пространстве киноантропология представляет собой перекресток искусства кино и науки антропологии (Головнёв 2011).

Кочевники хуже других поддаются текстовому описанию, но лучше других выглядят на экране, и кино значительно эффективнее, чем научные тексты, передает образы и значения

северных культур. Мне представляется важным дополнять академические публикации фильмами, передающими не только богатство и многообразие культурного наследия Арктики, но и живые образы, интонации, характеры северян. В качестве автора и режиссера я снял серию этнографических фильмов: «Дорога Татвы», «Боги Ямала», «Легенда о сихиртя», «Чёртовое озеро», «Хадампэ», «На другом берегу», «Путь к святылищу», «Пегтымель», «Остров Жохова», «Почтовая лошадь». В 1994 г. Смитсоновский институт (США) счел мои фильмы достойными премии им. Андриеса Слапиньша, вручаемой кинематографистам, посвятившим свою деятельность коренным народам Севера. Сегодня эти фильмы, лауреаты ряда зарубежных и отечественных кинофестивалей, вошли в учебные курсы и программы по истории и культуре Севера. Особое внимание кино о Севере уделяет Российский фестиваль антропологических фильмов, которым мне выпала честь руководить.

Благодаря близости кинематографа к естеству психики, сознания и подсознания, он способен адекватно их передавать. Поскольку кино сущностно растёт из антропологии, науке о человеке пристало свободно говорить на языке изображения и не сторониться киноэкспериментов погружения в человека. Сегодня, при обилии видеотехнологий, камеру можно применять творчески и многообразно, особенно если в объективе — кочевники Арктики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнов С. А.* Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989.
- Головнёв А. В.* Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995.
- Головнёв А. В.* Северная перспектива в истории России // Социальные трансформации в российской истории. Екатеринбург; М., 2004. С. 476–485.
- Головнёв А. В.* Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург, 2009.
- Головнёв А. В.* Антропология плюс кино // Культура и искусство. 2011. № 1. С. 83–91.
- Головнёв А. В.* Этнологическая экспертиза в сценариях ресурсного освоения Ямала // Уральский исторический вестник. 2014. № 2 (43). С. 143–153.
- Головнёв А. В.* Феномен колонизации. Екатеринбург, 2015.
- Головнёв А. В., Куканов Д. А., Перевалова Е. В.* Арктика: атлас кочевых технологий. СПб., 2018.
- Маркарян Э. С.* Очерки теории культуры. Ереван, 1969.
- Тишков В. А.* Движение как феномен истории и культуры // Вестник РАН. 2010. Т. 80, № 10. С. 947–950.
- Bauman Z.* Liquid Modernity. Cambridge, 2000.
- Golovnev A.* Challenges to Arctic Nomadism: Yamal Nenets Facing Climate Change Era Calamities // Arctic Anthropology. 2017. Vol. 54, № 2. P. 40–51.
- Golovnev A. V., Osherenko G.* Siberian Survival: The Nenets and Their Story. Ithaca, New York, 1999.
- Clifford J.* Routes: Travel and Translation in the Late Twentieth Century. Cambridge, MA, 1997.
- Cresswell T.* On the Move: Mobility in the Modern Western World. New York, 2006.
- Deleuze G., Guattari F.* A Thousand Plateaus. Capitalism and Schizophrenia. Mineapolis; London, 1987.
- Ingold T.* Being Alive. Essays on movement, knowledge and description. London; New York, 2011.
- Latour B.* We Have Never Been Modern. Hemel Hempstead, 1993.
- Leed E. J.* The Mind of the Traveler: From Gilgamesh to Global Tourism. New York, 1991.
- Urry J.* Sociology Beyond Societies: Mobilities for the Twenty-first Century. London; New York, 2000.
- Virilio P.* Speed and Politics: Speed and Politics: An Essay on Dromology, Semiotext(e). New York, 1986.

THE ARCTIC: A SYNOPSIS OF 40 YEARS OF RESEARCH

ABSTRACT. The review has been written on account of the State Prize for 2019 in Science and Technology awarded to the author “for his contribution to the studies of the Arctic cultural heritage”. It contains the following sections: “Anthropology of Movement”, “Arctic Nomadology”, “Method of Recording Movement”, “Arctic Nomadic Tradition and Ethnological Expertise”, “Northernness of Russia” and “Museums and Films”, which reflect the main directions and results of field research in Yamal, Taimyr, Gydan, the Polar Urals, the Russian North, Chukotka and other regions of the Arctic, as well as applied research and popularization of scientific knowledge and cultural heritage by means of cinema, photography and museum exhibitions. The most striking feature of the Arctic cultures is their high mobility, which allows nomads to embrace vast spaces and acquire resources scattered over them. The ethnography of the Arctic has given rise to a new theory, i.e. the anthropology of movement, which is both a research methodology and a technology for the application of scientific knowledge. The “View from the Arctic” reveals the northernness of Russia as its core identity conditioned by its geography and history.

KEYWORDS: Arctic, anthropology of movement, ethnography, mobility, nomads

ANDREI V. GOLOVNEV — Member of the RAS, Doctor of Historical Sciences, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russia)

E-mail: andrei_golovnev@bk.ru

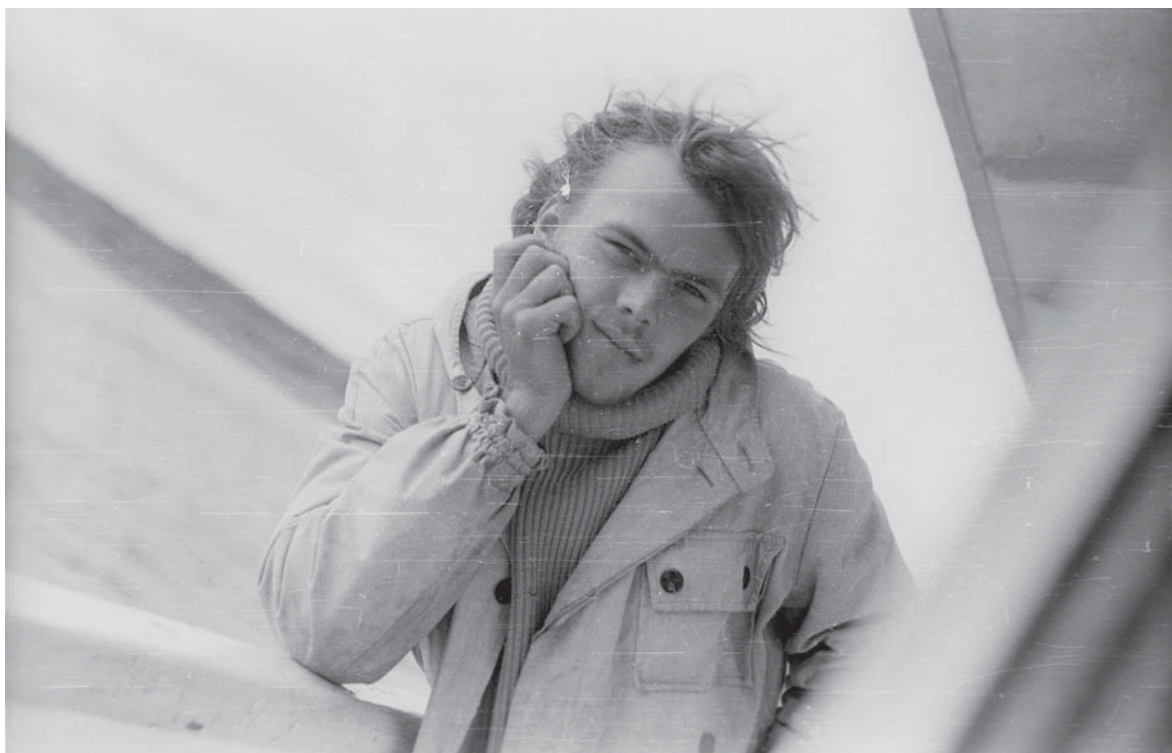

Рис. 1. Экспедиция к энцам и ненцам. Таймыр, 1977 г. Фото В. Масленникова

Рис. 2. Экспедиция к ненцам. Полуостров Гыдан, 1979 г. Фото В. Гриценко

Рис. 3. Экспедиция в Харасавэйской тундре. Ямал, 2013 г. Фото И. Абрамова

Рис. 4. Экспедиция в Чаунской тундре, Чукотка, 2014 г. Фото С. Белоруссовой

Рис. 5–6. Церемония вручения Государственной премии РФ. Москва, Кремль, 24 июня 2020 г.
Фото с официального сайта Кремля